

УДК 930(410.1)"18/20"

ДЖОН ГИЛЛИС О ВОЗНИКОВЕНИИ ПЕРВЫХ ГОСУДАРСТВ В ГРЕЦИИ

Н.А. Яснитский

Московский государственный областной университет, г. Москва, 105005, Россия

Аннотация

В статье предпринята попытка определить некоторые идеино-теоретические позиции английского историка XVIII в. Джона Гиллиса. Его труд «История Древней Греции...» (1786), переведённый на разные европейские языки, получил признание и широкую известность в XIX в., однако при обсуждении в XX в. проблемы особого варианта английского Просвещения исторические и философско-теоретические взгляды Дж. Гиллиса не стали предметом исследования. Автор связывает это с невысокой оценкой, которая даётся в немногочисленных исторических исследованиях одному из течений английской исторической мысли – античной историографии, и объясняет сложившееся положение следующими причинами. Во-первых, английских просветителей долгое время считали последователями французского Просвещения; во-вторых, неверно определялись теоретические основы, на которых строились исторические сочинения многих английских исследователей античности.

В статье анализируются главы с I по X «Истории Древней Греции...», где основное внимание Дж. Гиллис уделяет причинам возникновения характерных для греков особенностей управления и появления первых союзов и ранних государственных образований. Автор приходит к выводу, что Дж. Гиллис, излагая историю происхождения античных республик и их форм правления, существенное значение придавал материальным обстоятельствам, которые сыграли решающую роль как в общем ходе истории, так и в судьбах государств. Важнейшими материальными обстоятельствами Дж. Гиллис считает земельную собственность, общее владение которой предопределило формирование союзов греческих племён и республиканскую форму правления. Вознаграждение именно земельной собственностью затем содействовало становлению царской власти, а позже – преобразованию монархий в демократические республики либо в государства со смешанным типом правления. При этом Дж. Гиллис подчёркивает неизбежную слабость и недолговечность республик ввиду частых междуусобных войн и гражданских столкновений.

Особенности теоретической аргументации и трактовки исторического процесса Дж. Гиллисом позволяют говорить о своеобразии английской исторической мысли эпохи Просвещения.

Ключевые слова: английская историография, античность, XVIII в., Джон Гиллис, история государства, миграция древних народов

Труд английского историка Джона Гиллиса (John Gillies, 1747–1836) «История Древней Греции, поселений и завоеваний оной, от первобытного состояния сей страны, до разделения Македонского государства, содержащая в себе

историю словесных наук, философии, изящных художеств»¹ (ИДГ), написанный в 1786 г., редко упоминается в библиографических сборниках, поскольку он не стал предметом специального исследования ни в XIX, ни в XX вв. Объясняется это тем, что долгое время зарубежные и отечественные историки предпочитали анализировать просветительские идеи на материале французского Просвещения, считая, что английские просветители были лишь последователями французских [1, с. 75] (см., например, [2–5]).

Первые аргументированные попытки обосновать существенные особенности английского Просвещения, а также множественность вариантов Просвещения были предприняты в конце XX в. Одним из таких примеров в отечественной историографии является статья Ю.Б. Лебедева «Шотландское Просвещение и его “моральная философия”» [6]. Её автор считает, что в рамках данной «моральной философии» «возникли теория общества и “философия истории”, которые шотландские мыслители сознательно противопоставляли господствовавшим на континенте естественно-правовым концепциям» [6, с. 70]. В последние десятилетия эта трактовка нашла отражение в зарубежной исторической науке в таких сборниках, как «Просвещение в национальном контексте» [7], «Мир Просвещения» [8], а также в отдельных исследованиях (см., например, [9]). Стремление выявить специфику английского Просвещения свойственно и современной отечественной историографии. Так, в трудах Т.Л. Лабутиной аргументировался тезис о некотором приоритете английских философов и историков конца XVII – начала XVIII в. в разработке теоретических основ общественно-политических и исторических учений [10–11].

Однако античная историография – одно из течений английской исторической мысли эпохи Просвещения – в немногочисленных отечественных и зарубежных исторических исследованиях оценивается невысоко (см., например, [12, 13]). Взгляд на английских просветителей как на последователей французского Просвещения и низкая оценка довольно известных английских историков XVIII в. связаны, видимо, с недостаточным вниманием к их наследию. Речь идёт прежде всего о таких исследователях античности, как Уолтер Мойл (Walter Moyle, 1672–1721), Эдвард Монтегю (Edward Wortley Montagu, 1713–1776) и уже упомянутый Джон Гиллис.

Прежде чем приступить к рассмотрению труда Дж. Гиллиса, отметим, что при анализе теоретических взглядов историка необходимо обращать внимание и на идейное влияние извне, и на воздействие окружающей действительности. Как отмечает Н.И. Смоленский, «соотношение того и другого в различных ситуациях развития общества и науки было неоднозначным, однако приоритет всё же остается всегда за конкретными условиями и состоянием окружающей историка среды...» [14, с. 9].

В политических памфлетах, публицистических и исторических произведениях XVIII в. внимание авторов всё чаще переносится на состояние общества и всё реже концентрируется на действиях «тиранов» или на совести правителей. Проблема форм и типов правления, изначально имевшая морально-философский

¹ «The history of Ancient Greece, its colonies and conquests; from the earliest accounts till the division of the Macedonian empire in the East. Including the history of literature, philosophy, and the fine arts».

характер, в условиях политической борьбы тори и вигов в Англии неизбежно принимала политическую окраску². В ходе дискуссий среди политиков, философов и историков начала и середины XVIII в. о прерогативах различных ветвей власти, безусловно, затрагивался вопрос и о причинах возникновения государств. Особую остроту этим дискуссиям придавали попытки Георга III изменить сложившуюся систему власти, вернув часть прерогатив короне, а также события недавно закончившейся войны за независимость английских колоний на северо-востоке Американского континента. Таким образом, интерес к ранним периодам античной истории приобрёл в XVIII в. политическое значение.

Джон Гиллис в «Истории Древней Греции...» подробно и обстоятельно рассматривает проблему возникновения первых государств на территории Греции. Прежде всего он приводит мнение античных историков о пути миграций древних народов и определяет причину, по которой численность населения Греции в итоге стала наибольшей среди государств Западной Европы. Так, первоначально, «за восемнадцать столетий до христианского летоисчисления»³, население Греции составляли немногочисленные племена пастухов и звероловов, «между коими Пелазги и Эллины были других многолюднее и сильнее» (ИДГ, с. 6–7). Согласно данным античных авторов, подчёркивает Гиллис, главную роль в увеличении населения Греции сыграло её географическое положение. Будучи как бы мостом между Европой и Азией, Греция «от Египта и Сирии отделялась узким пространством вод; не удалена была от восточных стран, в древности процветавших и многолюдных; а потому естественно привлекала к себе путешественников, онью посещавших, и пришельцев, на ней селившихся» (ИДГ, с. 9).

Именно с переселенцами из азиатских стран, как отмечает Гиллис, античные мыслители связывали возникновение земледелия, законов и систем управления в Греции: «Сии переменные посещения, или временные поселения означенованы благодеяниями, которых память призательные Греки долго хранили. <...> Даже общества, справедливо славившиеся пред другими древностию, почитали себя обязанными иноземцам за важнейшие наставления не только в вероисповедании, но в земледелии и искусствах» (ИДГ, с. 9). Примером азиатского влияния служит приведённое Гиллисом мнение Страбона и Исократа о том, что Кекропс и Данай прибыли из Египта, «первый остался в Афинах, последний в Аргосе», а «Кадм, Финикиянин основал в Вифинии город Фивы. Согласно Исократу, Фукидиду и Диодору Пелопс прибыл из Фригии» (ИДГ, с. 11).

Мнения античных историков, казалось бы, находили подтверждение в здравом смысле и логике, однако, как считает Гиллис, «не должно поставлять догадок вместо событий: в делах столь древних и мрачных, утверждаясь на свидетельствах, можем лишь догадываться»⁴, что вторгшиеся в Грецию иноземцы ввели в сей стране алфавит финикийский; усовершенствовали земледелие; умножили обряды вероисповедания; научили греков употреблять металлы...» (ИДГ, с. 12). Джон Гиллис обращает внимание не столько на географическое

² В некоторых отечественных и зарубежных исследованиях наблюдается определённое изменение представлений о характере политической ситуации и сущности борьбы тори и вигов (подробнее об этом см. [15]). В частности, существует мнение, что тори и виги в XVIII в. поменялись ролями в трактовке приоритета власти парламента и королевских прерогатив (см., например, [16]).

³ Здесь и далее орфография и пунктуация сохраняется в соответствии с оригиналом. – Н.Я.

⁴ Здесь и далее курсив наш. – Н.Я.

положение Греции как *моста*, соединяющего её с многолюдными странами Азии, сколько на то, что, судя по тем же сообщениям античных историков, «Кекропс первый принудил бродящих пастухов, или звероловов Аттики соединиться, составить постоянные поселения, возделывать землю». Именно поэтому, как полагает Гиллис, «хлеб, вино и масло... приобретаемые общими силами, равно как и сама земля, почитались общественно собственностью» (ИДГ, с. 19). Иными словами, это не просто заимствование знаний и использование *географического положения*, а последствия изменений в *системе правления*, вызванных демографическими процессами.

Свою позицию Дж. Гиллис основывает на убеждении, что существует тесная связь материальных обстоятельств с особенностями правления. Так, по его мнению, пока «эллины вначале снискивали себе пропитание ловлею зверей, рыб и скотоводством: то мало требовалось земли для удовлетворения их житейских нужд», поэтому «они не были изнуряены ужасным самовластием», как и «не знали кроткого, но сильного обуздания, налагаемого благоустроенным правлением» (ИДГ, с. 18). Однако, когда люди живут, «не покоряясь тому или другому», они «не могут жить вместе многочисленными обществами» (ИДГ, с. 18). Именно по этой причине, «когда из обществ эллинов, какое-либо увеличивалось до чрезмерности: иногда разделяли его на части; главная из сих частей оставалась в первобытных жилищах; другие переселялись» (ИДГ, с. 18). В качестве примера Гиллис приводит сведения о расселении эолян, которые «расселялись по разным странам Пелопониса. <...> Великая часть сих последних поселилась вдоль южных берегов Коринфского залива. <...> Когда твёрдая земля Греции сделалась многолюдною: Афиняне отправили поселенцев на остров Эвбею...» (ИДГ, с. 19).

Примечательно, что собственная трактовка Гиллиса не исключает заимствование знаний и форм правления, но придаёт этому процессу ряд деталей, которые, как он считает, «укрылись от внимания других» историков (ИДГ, с. 19). Так, например, он пишет, что «Гомер часто упоминает об участках земли – *temenos*. Оные, по общему согласию народа, назначаемы были в награду Царям и военачальникам; а сие подало мне случай сделать упоминаемое здесь наблюдение...» (ИДГ, с. 19). Логика рассуждений Гиллиса довольно проста: если переселенцы из Египта и Азии принесли не только навыки земледелия, начало наук и искусств, но и систему правления, то почему же «непреклонная строгость самовластья, во все времена господствовавшая в Египте и на Востоке, *неизвестна* была завоевателям Трои. Если неограниченная сила властителей не была признаваема во времена войны и опасностей, требующих безмолвной воинской покорности; если Греки сохранили свободу свою даже тогда, когда умножившиеся в продолжении столетий богатство готовило им оковы рабства; то невозможно заключать основательно, чтобы утешительный восточный деспотизм имел великую силу в отдалённых веках нищеты и независимости» (ИДГ, с. 21–22).

По мнению Дж. Гиллиса, первые политические союзы на территории Греции появились по общему правилу, согласно которому «способы к совершению полезных намерений всегда подаются нуждою, часто бедствием» (ИДГ, с. 26). Так, «нападения горных дикарей Фракии и других более отдалённых варваров... служили поводом к первому учреждению, восстановившему в некоторой

степени спокойствие Греции, и положившему основание будущему её величию. Северные области Фессалии более других стран были подвержены нападению: а потому малосильные владетели сей области *заключили между собою союз, для взаимной обороны*. Весною и осенью собирались они в Фермопилах... тогда находившихся в управлении Амфиктиона, потомка Девкалиона, имя которого бессмертно в совете Амфиктионов. Выгоды, приобретаемые союзниками от таковой меры, вскоре были примечены их соседями. Внутренние области малопомалу приступали к их союзу; и около половины четырнадцатого столетия пред Р. Х. Акризий, Царь Аргосский и другие Пелопонесские князья, получили дозволение участвовать в выгодах и безопасности, приносимых сим полезным союзом» (ИДГ, с. 26).

На дальнейшее развитие системы управления и форму политического устройства греков этого раннего периода, как полагает Гиллис, пусть и косвенно, но всё же повлияли материальные факторы в виде добычи в военных походах. «Греки, при успехах своих в образовании, прежде дознали, сколь выгодно для них заключать политические союзы, нежели почувствовали, сколь полезно соединяться узами гражданства. <...> Быв призываляемыи к оружию противу чуждых врагов, юноши охотно стекались под знамёнаами их Царя, и с безмолвной покорностью принимали его повеления во время похода: но когда никакое общественное дело не возбуждало в народах дух соревнования, или не воспламеняло в них мужества; тогда жители каждого малолюдного города хотели пользоваться независимым судопроизводством, и, будучи по имени подданными одного и того же Царя, нередко пресекали распри свои решением меча» (ИДГ, с. 37–38).

О тесной связи материальных факторов с системой правления Гиллис далее пишет уже как об общей закономерности, признаваемой некоторыми его предшественниками и современниками. «Общее мнение, что власть следует за собственностью, хотя не во всех отношениях справедливо, но даёт повод к заключению, что это подтверждается ходом истории»⁵; и уже затем «власть всего более утверждается писанными законами, определяющими существенную силу и действие членов общества» (ИДГ, с. 91–92). Здесь Гиллис, вероятно, имеет в виду идею, высказанную Джеймсом Гаррингтоном (James Harrington), которая связывает форму правления и форму собственности. «...Где существует неравнное распределение земли, — писал Гаррингтон, — должно существовать неравенство силы, а где существует неравенство силы, там не может быть республики» [17, р. 61]; в то же время, «где существует равенство земельных владений, должно быть равенство силы, а где существует равенство силы, там не может быть монархии» [17, р. 64].

Подтверждением такого толкования высказываний Дж. Гиллиса является данная им характеристика типа правления, установившегося в ранний период образования городов-государств. Гиллис приходит к выводу, что это были республики. «По сему правилу, рассматривая политику героических веков, увидим, что существовавшие тогда владения, надлежит почитать более Республиками, нежели единовластными державами. Когда воительное племя исторга-

⁵ «Та же собственность, находясь во власти одного или нескольких, доставляет владельцу более политической силы и уважения, нежели быв разделена между многими» (ИДГ, с. 91).

лось из гор и лесов, желая занять более плодородную землю, рать сражалась и одерживала победу не для вождя её, но ради самой себя»⁶ (ИДГ, с. 92). «Земля, приобретённая общими усилиями, почиталась общей собственностью» (ИДГ, с. 19). «Она была возделываема совокупными трудами всех членов поколения, которые собирались за общественным столом, вместе совершали относившиеся к религии обряды; и по окончании жатвы, ежегодно получали принадлежавшую часть плодов земных для поддержания их семейств. Большее изобилие не давало права одному презирать другого, и между гражданами не было иного отличия, кроме приобретённого личными заслугами и способностями» (ИДГ, с. 92–93).

Развитие республиканской системы, как считает Гиллис, также подвергается воздействию всё того же материального фактора. «Впрочем, таковое различие естественным образом возводило начальника или полководца на степень главы каждого общества: частая потребность в его мужестве, или благородстве, делала его заслугу более видною; и за приносимую им пользу благодарное племя вознаграждало его драгоценной частью земли, отделявшейся от общественной собственности. Сия земля уделялась не руками его храбрых сподвижников, трудившихся единственно ради общества, но взятыми на войне пленниками, которых великое число всегда назначалось военачальнику»⁷ (ИДГ, с. 94).

Как представляется, Дж. Гиллис отдаёт себе отчёт в некоторой противоречивости своих рассуждений относительно характера правления, поскольку сразу делает оговорку, в которой пытается совместить республиканскую и монархическую системы управления. По мнению Гиллиса, такие республики характеризуются ограниченной властью царей. «Власть Царей была ограничена, и... всюду введено было краткое, *смешанное правление*. Как в общем союзе совет Царей управлял предприятиями властителя, а глас собравшихся народов распоряжался делами совета, так в каждом особенном царстве, решения старейшин превозмогали волю царя, а уважаемое величие народа имело надзор над определениями Сената (собрания старейшин). Нисходя далее, увидим, что подобным образом власть разделена была в каждом селении, представлявшем собою в уменьшенном виде государство, между тем как само государство являло собою подобие всего союза» (ИДГ, с. 95–96).

Завершая свои рассуждения относительно причин возникновения и особенностей управления ранних греческих государств, Гиллис считает необходимым вновь подчеркнуть значимость собственности как основного элемента материального фактора. «Понятие об отдельной, состоящей в земле собственности, всего более призывает людей жить на особенных участках оной. Ко-рыстолюбие не позволяет никому из них оставлять поля, с великим трудом удобренные и украшенные; а гордость препятствует им удаляться от наследственных состояний. Сии побуждения... не действуют на народ, почитающий землю собственностью общества, а не имуществом каждого гражданина в особенности. <...> Но если в отечестве представляется им невыгода, или если вне

⁶ В своих комментариях Гиллис подчёркивает, что в Одиссее имеется много доказательств того, что власть царей была ограничена. Например, Улисс в разных случаях ставит себя на одну ступень со своими спутниками: «Обыкновенно решали жребием, ему ли одному надлежало принимать какой-либо подвиг, сопровождавшийся великим трудом и опасностью» (ИДГ, с. 91).

⁷ Здесь Гиллис ссылается на то, что Гомер, описывая щит Ахиллеса, ясно отличает землю, которой владеет царь, от земли, принадлежащей обществу (ИДГ, с. 94).

пределов его видят они привлекательные места, в таком случае единодушно исходят для приобретения мужеством жилищ более безопасных, или более приятных» (ИДГ, с. 128). Так, «движимое подобными побуждениями племя Беотян, вскоре после войны Троянской, овладело плодоносными равнинами Фессалийской Арнеи», что было характерно и для переселения фессалийцев и дорян (ИДГ, с. 128).

Интересен взгляд Гиллиса на причины появления системы «смешанного правления». По его мнению, «пагубные внушения честолюбия и корысти довели их [царей] до того, что они преступили предписанные им границы, презрели законы, от предков почитавшиеся священными» (ИДГ, с. 144). Указав на моральные мотивы действий царей, Гиллис далее связывает произошедшее ограничение их власти с земельной собственностью: «Разделение на малые части составлявшей собственность земли, приведённое в действие, как выше упомянуто, не только в Пелопоннессе, но и в северных странах Греции, делало вельможей и народ более чувствительными к производимым другими хищениям; надлежало воспротивиться оним мужественно, или навсегда покориться игу утеснителей» (ИДГ, с. 144). Именно по этой причине, как считает Гиллис, произошли события в Аргосе, Аттике и Аркадии, в ходе которых «Милтас, четвёртый Аргивский царь из преемников Тимена, осуждён на смерть за похищение неограниченной власти. Единовластие уничтожено с большей частью в Аттике, с бесславием истреблено в Аркадии, но мало-помалу искоренялось во всех странах Греции, исключая Спарту, от южного Пелопонесского края до северных пределов Фессалии» (ИДГ, с. 145).

Последствия уничтожения полной царской власти, по мнению Гиллиса, были более гибельны, чем результаты тирании худших из царей. «Бедствия, которые отвратить предположено было, вскоре умножилось. Греция, угнетённая своими царями, ещё более удручалась архонтами, или правителями; и, хотя уже находясь под древним правлением, разделена была на многие части, но *её* более подразделилась, приняв новый вид градоправления. Низшие города отвергали суд, производимый в их столицах, а некоторые из таковых городов присвоили себе независимость и господство. Каждый город, каждый округ вёл войну со своими соседями» (ИДГ, с. 145–146). Показательно, что в этом случае Дж. Гиллис упоминает Т. Гоббса: «*Естественное состояние людей, изображаемое Гоббсом в его Философии, осуществилось в злополучной Греции*» (ИДГ, с. 146).

Дж. Гиллис пытается рассмотреть также и обстоятельства, которые не допустили бы таких бедствий: «От сих многочисленных беспорядков, которые, по-видимому, не могли уже умножиться, обратим внимание на события и причины, действовавшие с противной стороны» (ИДГ, с. 146). Предотвратили бы серьёзные проблемы, как считает Гиллис, политические изменения, имевшие место, например, в Пелопоннессе. «Пелопоннес покорён был дорянами: и хотя через сие произведены были на полуострове смятение и кровопролитие, но вместе с тем распространились спасительные действия Совета Амфикионов. Имев главной целью отвращать нападения внешних врагов на северные страны Греции, оный Совет равно утверждал в них внутреннее согласие» (ИДГ, с. 146). Положительное значение действий Совета Амфикионов состояло, по мнению Гиллиса, в том, что «покорённые ими [дорянами] области получали мало-помалу

подобное преимущество. Таким образом, Амфикионы сделались представителями всех Греческих народов, состоявших не только из трёх первобытных племён, Ионян, Дорян, Эолян; но подразделённых поколений и разных обществ, образовавшихся из смешанного их соединения. Каждая независимая страна имела право посыпать в Совет двух членов, Пилагора и Иеромнемона, вверяя одному из них попечение о делах гражданских, другому о делах, принадлежавших к вероисповеданию. Уничтожение царской власти умножило независимые Республики; и число Амфикионов возросло до ста членов» (ИДГ, с. 146–147).

Гиллис стремится выяснить, были ли действия Амфикионов действенной преградой на пути надвигающихся бедствий. Сначала он даёт весьма неопределённый ответ: «Несмотря на участие Амфикионов, Греческие Республики исполнялись враждой в высокой степени. *При всём том невозможно сомневаться*, что Амфикионы своей властью иногда укрощали, иногда умеряли распирю народов...» (ИДГ, с. 148–149). Более точно ответить на этот вопрос можно лишь, выяснив общий ход дальнейших событий, в связи с чем Гиллис пытается определить частоту и характер войн, происходивших после уничтожения царской власти как элемента «смешанного правления»: «*Приняв образ правления республиканский, Греция ещё более подразделилась: и поелику движения частного честолюбия начали соединяться с причинами народной вражды, то войны происходили более частые, сражения были упорнейшие, кровопролитные*» (ИДГ, с. 213). Примером этого являются события на полуострове Пелопоннес, где сначала «цари, при многих случаях, помогали друг другу укрощать мятежную строптивость вельмож, крамольный дух народа. Но когда племя Ираклово, с уничтожением монархического правления... утратило силу свою, тогда столица каждого малого государства, всегда пользовавшаяся преимуществом в народных собраниях, начала похищать неограниченную власть над соседними городами, и, следуя собственным законоположениям, решать главные общественные дела. Таким образом, Спарта распространила своё могущество над малыми Лаконийскими городами. Стены Гелоса, жители которого упорно противились похищению власти, сравнены с землёю, граждане обращены в бедственное рабство; и советом Спартанцев издан закон, воспрещавший под опасением строгой пени, освобождать илотов, или продавать их в чуждые страны, где могли они питаться лестными надеждами возвратить утраченную свободу» (ИДГ, с. 216–217).

Совершенно очевидно, что Гиллис расценивал результаты демократии как причину междуусобиц и последующего ослабления малых государств Пелопоннеса. В то же время сохранение так называемого смешанного типа управления в Спарте он считал основанием её усиления, поскольку все славные законы, приписываемые Ликургу, были «точным списком обычаев и установлений, господствовавших в Греции в продолжении веков героических» (ИДГ, с. 123).

Итак, аргументы Джона Гиллиса в отношении причины миграций и изменения форм правления можно обобщить следующим образом. Не согласившись со взглядами античных авторов на причины миграции древних народов, он представляет собственную трактовку происходившего: существование отдельной собственности на землю *заставляет людей жить не мигрируя*; но если народ считает землю собственностью общества, то *миграции – вещь естественная!*

Этапы изменения форм правления и факторы, его обусловившие, согласно Дж. Гиллису, можно представить так.

- Политические союзы возникли вследствие нападения горных дикарей Фракии и других более отдалённых варваров. Система управления и форма политического устройства греков в этот ранний период определялась материальными факторами – выгодностью заключения политических союзов как для защиты, так и для грабежа. Гиллис приходит к выводу, что если власть следует за собственностью (это подтверждается ходом истории), то, естественно, сначала возникла республика как форма правления.
- Дальнейшее развитие республиканской системы подчинялось воздействию всё того же материального фактора, хотя и опосредованно. Например, частая потребность в мужестве полководца делала его заслугу более очевидной, и за приносимую им пользу племя вознаграждало его частью земли, которая отделялась от общественной собственности. Так возникла царская власть.
- Именно причины материального характера привели к уничтожению абсолютной царской власти: хищения земельной собственности царями приводили к угнетению вельмож и народа, что заставляло их противиться царской власти. В результате возникли как республики демократические, так и республики со смешанной системой правления. Примером первых являлись Афины, вторых – Спарта.
- Затем в системе «смешанного правления» исчезает монархическая власть как элемент. Её упразднение Дж. Гиллис не просто объясняет свойствами человеческой природы, а связывает опять-таки с земельной собственностью. Уничтожение монархического элемента привело к существенным проблемам: войны стали более частыми и кровопролитными, поскольку города и округа вступали в борьбу со своими соседями.
- Итогом рассуждений Гиллиса является вывод о преимуществе спартанской формы правления. Именно сохранение системы «смешанного правления» в Спарте, по мнению историка XVIII в., позволило ей распространить свою власть над малыми городами Пелопоннеса.

На наш взгляд, в политических дискуссиях Англии XVIII в. трактовка Дж. Гиллисом возникновения и развития форм правления служила достаточно весомым историческим аргументом для сторонников *возвращения* некоторых утраченных прерогатив королевской власти. В этом случае не представляется бесспорным распространённое мнение о Джоне Гиллисе как об убеждённом виге. В то же время позиция Гиллиса относительно решающей роли материальных обстоятельств в политических изменениях не позволяет отнести его и к последователям французского Просвещения, которые, помимо всего прочего, ставили в пример Афины, а не Спарту. Таковы основные особенности, присущие одному из английских историков-просветителей, занимавшихся проблемами античности.

Источники

ИДГ – Гиллис Дж. История Древней Греции, поселений и завоеваний оной, от первобытного состояния сей страны, до разделения Македонского государства, содержащая в себе историю словесных наук, философии, изящных художеств: в 8 ч. / Пер. с англ. А. Огинского. – СПб.: Тип. Мед. деп. М-ва внутр. дел, 1830. – Ч. 1. – 334 с.

Литература

1. Историография истории нового времени стран Европы и Америки / Под ред. И.П. Дементьева. – М.: Высш. шк., 1990. – 512 с.
2. *Black J.B.* The art of history: a study of four great historians of the eighteenth century. – N. Y.: Russell & Russell, 1965. – 188 p.
3. *Bond H.L.* The literary art of Edward Gibbon. – Oxford: Clarendon Press, 1960. – 167 p.
4. *Angus-Butterworth L.M.* Ten master Historians. – Aberdeen: Univ. Press, 1961. – 216 p.
5. The transformation of the Roman world: Gibbon's problem after two centuries. – Berkeley: Univ. California Press, 1966. – 323 p.
6. *Лебедев Ю.Б.* Шотландское Просвещение и его «моральная философия» // Эпоха Великой французской революции: проблемы истории и историографии: Межвуз. сб. науч. тр. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1989. – С. 46–50.
7. The Enlightenment in national context / Ed. by R.S. Porter, M. Teich. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981. – 288 p.
8. Мир Просвещения: исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша; пер. с итал. Н.Ю. Плавинской. – М.: Памятники ист. мысли, 2003. – 668 с.
9. *Pocock J.G.A.* Barbarism and religion. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. – V. 1: The enlightenments of Edward Gibbon, 1737–1764. – 339 p.
10. *Лабутина Т.Л.* Английское Просвещение как идейный источник энциклопедизма во Франции // Философский век: Альманах. – СПб.: С.-Петербург. центр истории идей, 2004. – Вып. 27: Энциклопедия как форма универсального знания: от эпохи Просвещения к эпохе Интернета. – С. 44–53.
11. *Лабутина Т.Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения. – М.: Наука, 2005. – 458 с.
12. *Levine J.M.* The battle of the books: history and literature in the Augustan Age. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 1991. – 432 p.
13. *Roberts J.T.* Athens on trial: the antidemocratic tradition in Western thought. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1994. – 426 p.
14. *Смоленский Н.И.* Философские основы российской историографии: проблемы обучения и исследования // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. История и полит. науки. – 2009. – № 1. – С. 3–20.
15. *Яснитский Н.А.* Трактовки политической ситуации в Англии первой половины XVIII в. в британской и отечественной историографии XIX – XX вв. // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. История и полит. науки. – 2015. – № 3. – С. 87–98.
16. *Лабутина Т.Л.* Идеология и политические партии Англии в период становления двухпартийной системы (обзор зарубежной литературы) // Англия XVII века: идеология, политика, культура: Межвуз. сб. науч. тр. – СПб.: Образование, 1992. – С. 83–93.
17. *Harrington J.* The Commonwealth of Oceana. – London: G. Routledge and Sons, 1887. – 281 p.

Поступила в редакцию
19.12.15

Яснитский Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и методологии

Московский государственный областной университет
ул. Радио, д. 10А, г. Москва, 105005, Россия
E-mail: *Yasnitsky@bk.ru*

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI

(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 3, pp. 817–828

John Gillis on the Emergence of the First States in Greece

N.A. Yasnitskiy

Moscow Region State University, Moscow, 105005 Russia

E-mail: *Yasnitsky@bk.ru*

Received December 19, 2015

Abstract

The paper attempts to identify some of the ideological and theoretical views expressed by John Gillis, the English historian of the 18th century. His work “History of Ancient Greece...” won recognition and became widely known in the 19th century. It was translated into different European languages, but when the problem of possible existence of the special variant of English Enlightenment came into question during the 20th century, the historical and philosophical-theoretical views of J. Gillis did not become the object of research. This is probably due to the low appraisal assigned to one of the currents of the English historical thought – ancient historiography – by a few historical studies. The reason must be that English enlighteners have long believed to be the followers of the French Enlightenment. In our opinion, along with the above-mentioned reasons, there is lack of attention to ancient heritage. J. Gillis and other English historians of antiquity, his predecessors and contemporaries (Walter Moyle, Edward Wortley Montagu), explain that the theoretical foundations, on which works of many British historians of antiquity were based, seem wrong.

In the 20th century, the theoretical framework was assessed in foreign historiography from the standpoint of its conformity with liberal ideas, which enhanced the positive and non-“destructive” for the fate of the ancient states role of economic and material factors in the political development of society. In Russian historiography opposing liberality in the 20th century, historians considered antiquity from the standpoint of the class approach: criticized it for underestimating the positive role of the same economic factors and exaggerated of the role of political and religious factors. As a result, both foreign and Russian historiography often distorted interpretations, as in the case of William Mitford. The works of historians, whose ideas contradicted the generally accepted approach to the ideas of the English Enlightenment, are simply suppressed, as in the case of W. Moyle, E. W. Montagu, and J. Gillis.

The article analyzes the chapters I to X of the “History of Ancient Greece...”, in which J. Gillis focuses on the factors determining the specifics of regulation in Greece, with which he associates the process and characteristics of settlement of the Greeks in the Balkan Peninsula, as well as the emergence of the first unions and early state formations. The conclusion is made that J. Gillis, narrating the history of ancient republics and the forms of governmental regulation used in them, placed significant importance on the material circumstances that played a crucial role in the overall history and destiny of nations.

According to J. Gillis, the most important material circumstance is land ownership, joint ownership of which determined the origin of the Greek unions of tribes and the republican form of government. The tradition of land reward contributed to the emergence and, subsequently, transformation of the royal power in either democratic republics or states with a mixed type of government. J. Gillis emphasizes the inevitable weakness and the fragility of republics caused by the frequent internecine wars and civil conflicts in contrast to the benefits and longer existence of states with a mixed type of government. The features of theoretical reasoning and interpretation of the historical process by J. Gillis make it possible to argue about the uniqueness of the English historical thought during the period of Enlightenment.

Keywords: English historiography, antiquity, 18th century, John Gillis, history of state, migration of ancient nations

 Для цитирования: Яснитский Н.А. Дж. Гиллис о возникновении первых государств в Греции // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 3. – С. 817–828.

 For citation: Yasnitskiy N.A. John Gillis on the emergence of the first states in Greece. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 3, pp. 817–828. (In Russian)